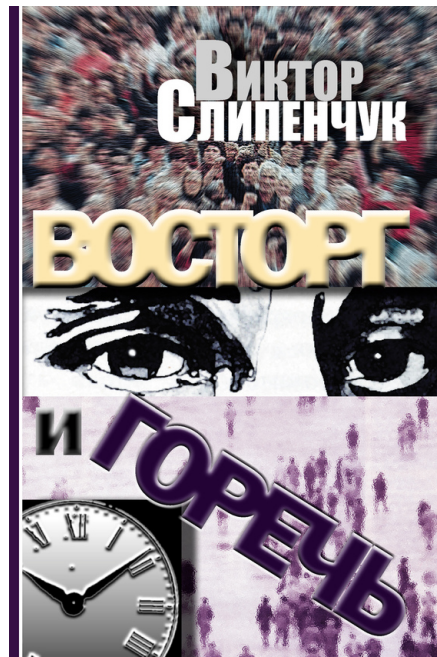

Виктор Трифонович Слипенчук

Восторг и горечь (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809740
Восторг и горечь: СБР – Медиапроекты; Москва; 2011
ISBN 978-5-905667-01-5

Аннотация

«Восторг и горечь» – пятый публицистический сборник Виктора Слипенчука. В нём, как и в предыдущих сборниках, автор делится своим взглядом на окружающую нас жизнь.

Содержание

Меж земных далей и астральных пространств	5
Миссия человека – утверждение гармонии	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктор Слипенчук

Восторг и горечь

©Слипенчук В.Т., 2011

©ЗАО «СВР – Медиапроекты», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Меж земных далей и астральных пространств

Виктор Трифонович Слипенчук человек удивительный...

Он из тех, кого ещё интересует внутренний мир человека, его самоощущения. Такие качества русского писателя на сегодня большая редкость – новых инженеров человеческих душ больше интересуют внешние эффекты, мрачные фантазии или фантасмагории, пародирующие действительность. Такого «контента» хватает вокруг и без чтения книг. А вот классическое, добротное и профессиональное мастерство отображения на бумаге своей души и внутренней жизни своих героев, свойственное Виктору Трифоновичу, – требует особого внимания и прочтения. Оно даёт пользу не только уму, но и сердцу.

В то же время ему самому близок внутренний мир великих поэтов и писателей других эпох. Он нутром чувствует всю глубину личности Сергея Есенина и отвергает даже намеки на то, что лишь алкоголизм был источником его бурной поэтической фантазии. Как видно, лично зная, что на пьяную голову шедевра не создашь, он даже в каллиграфическом почерке великого поэта видит его чистоту. Видит, что его вдохновение возникало не после того, как он «с бандитами жарил спирт», а было с ним всегда. Это его и сожгло изнутри...

Когда разговариваешь с Виктором Трифоновичем о совершенно далёких от писательского труда вещах, не покидает ощущение, что он постоянно терзается какими-то своими внутренними переживаниями. Быть может, это – постоянный поиск удачной рифмы, перебор десятков вариантов заголовка нового стихотворения или эссе... В хорошем смысле слова – он ведёт двойную жизнь, когда писательская работа идёт параллельно с домашним бытом и мирской суетой. Нужно поговорить с женой, детьми или друзьями. Наконец, просто выспаться. Но душа писателя «свербит» даже во сне. Знаю это по себе – когда не могу заснуть, обдумываю свою передовицу в газете, которая должна выйти в завтрашнем номере, а ещё и не знаешь – о чём она будет.

У писателя этот процесс перерывов не имеет, в отличие от нас, журналистов. Быть может, от этого на его лице постоянно отражается некий внутренний интеллектуальный процесс, который должен быть выплеснут когда-то на страницы. Такая игра ума интересна не только на Родине. Его книги вышли и в Японии, и в Китае – тех странах, где интеллектуальная часть населения постоянно находится в поисках Истины.

Неслучайно любимый учёный Виктора Слипенчука – астроном Николай Козырев. Он дал миру уверенность в физической связи времён – прошлого-будущего и настоящего. Писателю остаётся лишь видеть это в своих ощущениях, толкать физические процессы силой воображения. И тем самым приближать фантастический мир будущего. С его новыми энергиями, с его всепоглощающей гармонией. А в то, что она грядёт и готовит свой приход в наш мир, он не сомневается. Надо лишь начать с того, чтобы привести в гармонию со временем окружающую нас природу и неодушевлённый мир – мыслей, чувств, моральных констант...

Писатель верит в это душой, но понимает, что наступит это время не скоро. Сегодня движущей силой общественных процессов является купля и продажа всего и всех. Но это лишь нижний изгиб волны синусоиды. Её подъем неизбежен. Как неизбежны были плач по товарищу Сталину после его смерти (в рассказе с аналогичными словами в заголовке) и последующая хрущёвская оттепель – со слезами счастья и избавления.

Впрочем, проза и поэзия Виктора Слипенчука – это не только отображение жизненного пути и его осмысление. Сегодня он внимательно изучает Всемирную паутину, её роль и становление, накопление всемирного интеллекта. Осмысливает ничтожность власть предержащих, тысячелетиями хранивших свои тайны, а сегодня оказавшихся голыми перед толпой благодаря загадочному появлению WikiLeaks.

Иногда в очерках Виктора Трифоновича сквозит недоумение и боль за то, что мы, русские, творим сами с собой. Кем мы стали в собственной стране и что нас ждёт? В очерке «Торт “негатив”», навеянном, похоже, событиями на Манежке в зимней Москве, чувствуется некая переключка с одним из спорных философических писем Петра Чаадаева. Как известно, за нелестный анализ русских как нации его объявили сумасшедшим. Но почему сегодня, спустя более 150 лет, те же нотки недоумения по поводу нашего русского нутра выходят из-под пера современного писателя? Выходит, что-то и в самом деле не так в «датском королевстве» – причём довольно давно.

...Мысли, мысли, мысли... Они нанизываются одна на другую в произведениях Виктора Слипенчука, цепляются зубцом за зубец сообщающихся шестерёнок его мудрого повествования. За семь десятков лет прожитой им жизни в его памяти остались люди и стройки, работа и смех, любовь и счастье видеть живыми и здоровыми своих детей и внуков.

Всё это – события и люди – стали той питательной средой, откуда он черпает силы для новых сюжетов, стихотворений, эссе.

Но у Виктора Трифоновича есть, очевидно, и другое – чувство предвидения и возможность заглянуть в информационные, астральные пространства, где отражается будущее.

О том, какое оно, писатель напоминает нам постоянно: оно прекрасно!

Андрей УГЛАНОВ

Миссия человека – утверждение гармонии

Интервью Виктора Слипенчука газете «Вечерняя Москва»

*Мне суть вещей открылась неожиданно
И стала частью моего сознания.
Под микроскопом в капельке обыденной
Вдруг отразились свойства мироздания.*

1. – ВИКТОР Трифонович, многим кажется, что у писателя безоблачная жизнь, нет начальников, свободный график работы. Так ли это?

– Да, это так. Нет начальников, свободный график работы. Но то, что жизнь его безоблачна, так это вряд ли. И прежде всего потому, что суть работы, если ты пишешь повесть или роман, требует и графика, и начальника. На улице весна, солнце пригрело, на деревьях листочки проклюнулись, птички поют, а в твоей повести или романе – зимняя стужа, буран, позёмка.

Ежедневным трудом поддерживается необходимый настрой, аура, в которой пребываешь и которая незримо переливается в твоё произведение. Сколько раз бывало, читаешь чей-нибудь роман или повесть и вдруг чувствуешь – автор любит поесть. В произведении нет ни слова о еде, а ощущение присутствует. Иногда это на пользу произведению, но чаще во вред. Автор прервался и помимо воли привнёс в произведение свою ненужную самость.

Чем больше, и не отрываясь, работаешь, тем легче сохранять в себе то особое необходимое состояние души, которое соответствует произведению, – с ним легче писать. И для этого нужен и график, и начальник. И хорошо, если ты их сам установил. Такой вот – волевой, непробиваемый человек. Жена просит в магазин сходить, детей из садика забрать, а ты весь из себя – писатель. Не могу! Я – в ауре, в особом настрое, не трогайте меня! Раз два ещё сойдёт с рук, а на третий – придётся идти.

А ещё бывают внезапные визиты родственников или друзей. Да мало ли чего бывает, что, как говорится, не обойдёшь и не объедешь?! Это я говорил о романистах и повестистах.

А у поэтов или мастеров короткого рассказа ещё хуже. Стихи и короткие рассказы не пишутся каждый день. Здесь как раз тот случай, когда обольщающий вариант (нет ни графиков, ни начальников) доведён, так сказать, до абсолюта. Ни графики, ни начальники для поэта просто невозможны.

Прозаик изо дня в день хотя бы сидит, корпит над своим романом, в конце концов, это заметно. Пишет и рвёт, пишет и рвёт – что-то большее знает.

А эти ходят, слоняются без дела и оттого якобы и пьют. Ерунда это всё, но в пример приводят Есенина. Дескать, пьяница, стихи писал в пьяном состоянии. Есенин не нуждается в защите и всё же. Не от нечего делать он пил. Да и во многом его беспросветное пьянство – это не более чем миф. Раскройте собрание сочинений Сергея Александровича, посмотрите на стихи, написанные его рукой, и увидите, как чисто, ровно, каллиграфически отчётливо написаны его стихи. Если это написано на пьяную голову, то берусь утверждать, что далеко не каждый из нас напишет так хорошо и на трезвую. Убеждён, и есть тому свидетельства, что после всякого, даже самого отчаянного застолья он вставал на рассвете и успевал написать новые стихи, которые и читал проснувшимся сотоварищам. Весь смысл его жизни, вся его самость стали состоянием души. Он жил стихами, и стихи жили в нём, но в пьяном виде он их не писал никогда.

Повторюсь – стихи и короткие рассказы не пишутся каждый день. У Александра Блока по датированию стихов видим, что у него бывали такие взлёты вдохновения, когда он писал в день по пять-шесть стихотворений. А потом недели, даже месяцы молчал. Он-то и из жизни ушёл, что перестал слышать музыку стихов.

Понятие – **не пишется** — не так безобидно, как кажется на первый взгляд. Особенно оно впечатляет в сочетании с главной заповедью поэта: если можешь не писать – не пиши, и без тебя графоманов хватает. Легко сказать – не пиши, а ты, к примеру, закончил Литинститут, уже зарекомендовал себя мастером короткого рассказа, имеешь сборник стихов – не пиши?! Тут больше приходится думать о том, как поддерживать в себе то особое творческое состояние, чтобы писать. И тут – глухая стена. Как поддерживать его – никто не знает. Расщепили атом, вышли в космос, расшифровали геном человека, а тут?! А тут у каждого состояние (вдохновение) поддерживается по-своему, сугубо индивидуально. Все открытия, включая расшифровку генома человека, стали возможны в результате вдохновенного труда. Но как поддерживать вдохновение? Кто-то начинает злоупотреблять спиртным, кто-то – кофе, а кто-то безжалостно много курит. Но это – пустое, всё это только ускоряет творческий закат.

Я знал людей, которые за всю свою жизнь не написали ни одного стихотворения, а по состоянию души, по восприятию окружающего мира родились поэтами. Выходит, если ты родился поэтом, то нет надобности тревожиться об особом состоянии. Оно в тебе. Но писатель такой же, как и все, человек. Начинаются сомнения, метания и страдания. А тут ещё главная заповедь. И поэт бросает писать стихи и начинает их вынашивать. Вынашивать потому, что они в нём, и они никуда не уходят. Он вынашивает их из-за необходимости – плод должен созреть. Вот тут-то и происходит главный разлад, родные люди начинают полагать, что ты слоняешься и ничего не делаешь. Но именно сейчас происходит самая главная, пусть медленная, но по-настоящему поэтическая работа – созревание стихотворения. Отбор точного слова и по размеру, и по содержанию, и по рифме. Помните у Маяковского? «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Теперь поэт всегда в работе, даже когда спит. Матрос на судне в лучшем положении, он, хотя бы засыпая, уходит с работы, а вернётся – лишь с подъёмом. А поэт уходит с работы, когда обрывается жизнь.

Словом, жизнь литератора безоблачной не назовёшь. Впрочем, как и жизнь любого творческого человека, вынужденного во главу угла ставить требования работы.

2. – Вы были журналистом, моряком, рыбоводом, геологоразведчиком – какая из профессий оставила на вас наибольший отпечаток?

– Вообще-то я ещё служил в армии, работал зоотехником по овцеводству, кстати, моя первая книга была опубликована в соавторстве с директором Краевой госплемстанции и называлась «Бараны-производители Алтайского края». Я уже тогда жил жизнью писателя, и алтайские поэты сердились на меня, что я, их собрат, издал книгу с таким хлестким названием. Книга имела успех в научных кругах. Директор Института цитологии и генетики академик Беляев заметил её, приглашал меня к себе в аспирантуру. У него в институте был единственный в Сибири электронный микроскоп, из-за которого (соблазн новой прогрессивной науки) я чуть не стал генетиком.

Семь лет работал зоотехником. А до этого – слесарем-сборщиком на Алтайском тракторном заводе. Последнее место работы – плотник-бетонщик Алтайской Всесоюзной комсомольской стройки Коксохим. Чуть больше пяти лет проработал, и всё же никогда я не был ни зоотехником, ни журналистом, ни строителем. Всюду чувствовал, что главная моя суть – писательство. Если чувствовал, что работа затягивает, на меня начинают рассчитывать как на профессионала, как в УАМРе, Управлении активного морского рыболовства, срочно увольнялся. Четыре года морей – по живому приходилось резать. Везде, где работал, что-то написал. Единственная тема, которая осталась в стороне, – работа зоотехником. О ней

ничего не написал, но она помогла становлению сразу после института. Выходит, что работа зоотехником оставила на мне самый большой отпечаток.

3. – Расскажите, с чего начался ваш путь в литературу?

– По большому счёту никакого пути не было. Я с детства знал, что стану писателем. В школе придумывал в стихотворной форме эпиграфы к своим сочинениям. За счёт этого вместо тройки иногда получал четвёрку. В детстве я очень много читал. То есть так много, что это не только бросалось в глаза, а, скажем так, их мозолило.

Родом я из крестьянской семьи, вся моя школьная жизнь проходила в селе Черниговка Приморского края (200 км от Владивостока), и в соответствии с возрастом я пас вначале гусей, потом – овец, потом – телят, потом – коров. Чтение книг в поле никого не тревожило, никто чтения не замечал. Не замечал и мечтаний над захватывающими воображение страницами. А вот зимой, как я уже говорил, это настолько мозолило глаза, что у меня стали отнимать книги.

Нас, сестёр и братьев, было семь человек – я самый младший. Мама ругала меня, пугала, что дураком стану от чтения книг. Сейчас, вспоминая, думаю, что сам давал повод таким страхам.

Бывало, спрячусь на сеновале, в огороде, меня кличут-кличут, а меня нет, я весь в книге. Начинают искать. Очнусь, ошалело выскочу из укрытия – ну дурак дураком. Ничего не понимаю – я всё ещё там, в книге. И тут уже начинался скандал, как говорится, по полной программе.

Помню, приехала сестра Оля из Хабаровска на каникулы, она училась в пединституте на учителя географии. Родители смотрели на неё с гордостью и ужасом (её педагогические замашки иногда ставили их в тупик). Заходит Оля, а скандал в разгаре. На итоговом школьном родительском собрании маме сказали, что я читаю книги даже на уроках – сквозь щель в парте. Делаю вид, будто думаю, а на самом деле снизу поддерживаю книгу рукой – и читаю.

Оля не сразу подала голос (в пылу скандала её не заметили), вникла в суть предмета и с безапелляционностью будущего директора школы встала на мою защиту. Если бы министр Фурсенко слышал её речь, то вряд ли бы обрадовался. А я был в восторге. Оля была сторонницей чтения классиков литературы и в школе, и дома, и везде – пусть читает. Классики русской литературы – это серое вещество нации. Допустим даже, что от чтения книг он станет дураком. Неужели наша большая дружная семья не прокормит одного дурака? Её резоны поставили родителей в тупик, они были настолько неоспоримыми, что от меня отстали.

Теперь я читал вволю. Записался в Черниговскую районную библиотеку. Вначале мне, как новичку, разрешали брать книги охавками (я жил на станции Мучная, достаточно далеко от библиотеки), но потом вдруг урезали лимит до одной книги.

Дело было в пятом классе. Меня решили проверить – действительно ли я читаю? Как-то дают книгу и спрашивают – читал? Отвечаю – читал. А эту, а эту?.. Как сейчас помню, наконец, подают книгу в красной обложке – «Декамерон» (авторов тогда не запоминал – потом узнал, что автор Джованни Боккаччо). А эту читал? Нет, не читал. Через три дня возвращаю книгу новелл Боккаччо, и тут меня начинают проверять, как я, так сказать, усвоил внеклассное чтение.

У меня память была тогда, конечно, хуже, чем у моей сестры Раи – она с первого прочтения почти без запинок схватывала наизусть две-три страницы любого текста. Но всё-таки достаточной, чтобы удивить библиотекарей подробностями прочитанного. Они спрашивают: о чём такая-то новелла в разделе «День шестой»? А там повествуется о хитрой жене, которая в отсутствие мужа развлекалась с рыцарем, пряча в другой комнате юношу. А когда неожиданно возвратился муж, то она и его ловко обвела вокруг пальца.

Меня остановили, мол, ладно-ладно – хватит, и, наугад раскрыв книгу, потребовали рассказать содержание другой новеллы. В которой молодая монахиня наткнулась на спящего юношу-пастуха, которому ветер, закатив холщовую рубаху, обнажил мужское достоинство. Тут я припомнил подробности, с каким интересом, присев на корточки, монахиня рассматривала то, что ей не полагалось рассматривать по самому статусу монахини.

Здесь меня достаточно резко остановили и неожиданно для меня пригрозили сообщить в школу о моей внеклассной начитанности.

Уже в настоящее время, встретившись с сотрудницами черниговской библиотеки (естественно, другие имена и времена), рассказал, как меня когда-то проверяли «Декамероном». Вместе посмеялись, а тогда был потрясён – библиотекари взялись проверять меня, а сами ничего не читали. Это было для меня каким-то страшным откровением. Именно этим объяснил причину их внезапного негодования. Видит бог, другие причины тогда были мне неизвестны.

Я с детства знал, что стану писателем. Наверное, эта уверенность исподволь накапливалась. Для меня было неразделимым: писатель и дальние острова, писатель и захватывающее путешествие, писатель и рыцарский подвиг, писатель и служение добру и справедливости. Писатель воплощал для меня всё лучшее в человеке, и я хотел, да и сейчас хочу, стать настоящим писателем. Об этом я когда-то написал в рассказе «Сладкое шампанское». И это чувство – быть настоящим – никуда не ушло, оно со мной. Именно с этого чувства и начинается писатель, во всяком случае в моём понимании. Потому что в моём понимании *настоящий* — это непременно хороший человек. Думаю, что начало писателя есть начало в тебе человека. Как человек в тебе требует постоянного своего подтверждения в добрых поступках, так и писатель должен подтверждаться в своих произведениях. Как бы там ни было, а именно настоящий писатель оставляет в своих произведениях лучшую часть своей души.

4. – Если бы вам пришлось назвать одно качество, которое необходимо писателю?

– Отвечая на предыдущий вопрос, как мне кажется, невольно ответил и на этот – быть человеком. Всегда во всех жизненных ситуациях. В 2007 году у меня вышла книга «Смеющийся пупсик» на русском и японском языках. Очень удобно издавать книги совместно с японцами. Мы пишем слева направо, а они – справа налево. При совместном издании четвёртая сторона обложки отсутствует, книги получаются двухсторонними.

После презентации был фуршет, напротив меня сел японец, который, извинившись, что ему не удалось задать свой вопрос на презентации, спросил: какое одно качество, которое всегда необходимо писателю? То есть он задал вопрос, идентичный вашему. Не скажу, что японец со своим вопросом был оригинален. В советские времена на встречах с читателями мне доводилось отвечать на него. Обычно его задавали первокурсники педагогических институтов. Объясняя вопрос простым желанием знать – есть ли у них в характере главное качество писателя? А вдруг кто-нибудь из них захочет стать писателем?

Я так же, как и прежде, и так же, как и сейчас вам, ответил японцу, что главным качеством писателя считаю чувство, именно чувство, а не понятие – всегда быть человеком. Японец попросил разъяснить, что вкладываю в чувство – всегда быть человеком. И тогда сообщил ему то, что давно известно из Библии, но не с насмешкой над Писанием, как заучивали в школе (если тебя ударили по правой щеке – подставь левую), а в соответствии с библейским пониманием сути человека. В котором *быть человеком* – это всегда следовать своему высокому чувству.

Если какой-то бесчестный человек, преступник, напал на вас с целью ограбления и, ограбив, не убил вас только потому, что его спугнули дружинники, которые погнались за ним, чтобы беспощадно наказать его. Естественно, что вы как жертва всей душой на стороне дружинников. Вы вместе с ними гоните разбойника, и вот вы загнали его – сейчас начнётся

расправа. Уверен, что писатель как человек в высоком смысле этого слова теперь должен быть на стороне гонимого преступника, потому что теперь он, преступник, превратился в жертву. Писателю необходимо остановить дружинников, уже не ради загнанного преступника, а ради их самих. Потому что теперь он – жертва и, расправившись с ним, они превратятся в него, в преступника, утратившего в себе человеческое.

Японец кивнул мне в ответ, а потом, когда расставались, сказал, что распорядился купить сто экземпляров моей книги для размещения в библиотеках на острове Хоккайдо – он оттуда родом.

Позже поинтересовался у Миши, своего сына, – кто этот японец? Сын сказал, что он один из богатейших людей Японии – предприниматель. Не думаю, чтобы богатейший и успешный предприниматель вдруг возжелал стать писателем. Впрочем, это уже другая тема.

5. – В ваших книгах много очень точных наблюдений над человеческой породой. Не разочаровались в людях, изучая и познавая их натуру?

– В основе точности наблюдений лежит весьма выгодное расположение объекта наблюдения. У любого писателя основным объектом наблюдения является он сам. Так что всякое разочарование и очарование исходит прежде всего от него самого. И тут надо признать, что в себе и в своей натуре, увы, приходилось – разочаровывался, и не раз.

Именно в натуре. Порода – это слово оценочного свойства из лексикона о разведении животных. А человек – это что-то особенное, ныне учёными даже троглодиту отказано в праве считаться древним человеком – не тянет на нашего предка своими чересчур животными формами.

Наблюдая за собой (между прочим, каждый человек наблюдает, приводя своё поведение в соответствие с окружающей средой), пришёл к выводу, что моё, скажем так, писательство зачастую являлось причиной моего неадекватного поведения. А в человеке всё должно быть гармоничным. Даже его риски должны объясняться стремлением к гармонии.

Скажу откровенно, я не сторонник экстремальных ситуаций, для меня сейчас главными атрибутами романтики являются хорошая книга, торшер, диван-кровать и уверенность, что я в любое время могу сесть за компьютер и войти в Интернет.

Но если бы вы увидели меня на судне, или на стройке Алтайского Коксохима, или журналистом Барнаульской студии телевидения, то первое, что пришло бы на ум, – этот парень ищет приключений на свою голову. И вы бы не ошиблись.

Глубокой ночью я вылез через иллюминатор и по канату приблизился к самой воде. Вода у борта шипела и, причмокивая, так отчётливо клокотала, что казалось, это бормочет само судно, мчащееся на всех парах. Моросящий дождь, беспросветная тьма океана, и всё это только затем, чтобы ощутить, что в действительности чувствовал Мартин Иден Джека Лондона, когда решил свести счёты с жизнью.

А прыжок к акулам, дремлющим в верхних слоях воды возле бота, на котором перевозили тралы с сухогруза «Остров Лисянского». Кажется, в повести «Огонь молчания» я даю оценку человеку, который в погоне за фабулой рассказа рискует жизнью. Это неудовлетворительная оценка.

Виктор Петрович Астафьев в одном из своих выступлений в Новгороде, на Празднике славянской письменности и культуры в 1988 году, высказал убеждение, что человек как индивидуум занял на Земле не своё место. Земля, такая красивая и безопасная, предполагалась для какого-то другого мирного и разумного существа. Но откуда-то появился человек и заступил этому мирному существу дорогу. То есть уничтожил его и занял место, ему не принадлежащее.

Можно, конечно, думать и так, но ещё Альберт Эйнштейн говорил, что Вселенная сотворена весьма разумно, и подтверждение её разумности находил в гармонии. Сегодня

часто можно слышать, что всё стремится к хаосу. Нет – всё стремится к гармонии, к равновесию. И человек призван в мир, чтобы помогать гармонии утверждаться всюду, – это миссия человека.

Мы живём накануне открытия новых энергий. Энергий фантастических, и человечество на интуитивном уровне уже перестраивается. Я всё больше и больше склоняюсь к мысли, что человек (человечество) вспоминает себя. Всё, что с нами происходит, – уже было. Посмотрите, как легко мы освоили телевизор, мобильник, компьютер. Величайший учёный всех времён и народов (да, это так), русский астроном Николай Александрович Козырев эмпирически доказал, что время обладает физическими свойствами, и указал путь, как подключаться к информационному полю Земли.

Мы всё больше и больше приближаемся к пониманию, что Земля, а возможно, и Солнце – суть живые объекты. Человек, созданный Богом по своему подобию, является в некотором роде своеобразной частичкой Бога (неким бозоном Хиггса) для массы разума, так сказать, всего одушевлённого мира.

Я верю в Бога – Бог не оставит нас. Наказывать, конечно, будет, потому что ненаказуемый не научается, но никогда не оставит. Мы – чада Божии.

Что касается точных наблюдений и изучений с целью познания человеческой природы. Никогда никого не изучал и даже не представляю, как это возможно. Я вот давно уже дед, у меня четверо внуков, и наблюдение даже за ними для меня очень тяжёлая работа, пока не начнёшь с ними играть или не включишь для них мультик.

Так же и в жизни: когда приходишь в новый коллектив, то – больше к тебе присматриваются. Если увидят, что ты их изучаешь, вопросы начнутся – могут и побить. Но может ли это служить поводом для разочарования во всём человечестве? Вряд ли. Надо всюду просто жить. Если вы верите в Бога, то непременно будете верить в людей.

6. – Виктор Трифонович, насколько важны для писателя пристальная наблюдательность, умение сострадать чужой беде?

– Отвечая на предыдущий вопрос, я уже выразил своё отношение к *изучению и наблюдению*. «Не смотри, не смотри по сторонам». (Есть такой хит.) То есть не расточай своего внимания на внешнее. А так как объектом наблюдения является прежде всего сам писатель, то умение сострадать начинается у него с сострадания к самому себе.

В самом деле, если человек не сострадает самому себе, то мало надежд, что он будет сострадать своему ближнему и тем более дальнему. Для писателя, если он действительно хочет стать настоящим писателем, важнее всего – память, обычная человеческая память. Хемингуэй говорил, что для начинающего писателя всегда хорошо иметь тяжёлое детство. На первый взгляд – варвар этот Хемингуэй. Но, если вдуматься, – всё правильно. И вот почему.

Ребёнок, если он здоров, приходит в этот мир наделённым множеством качеств. И какие-то из них, безусловно, понадобятся ему, скажем так, в писательском становлении. А главное из них мы уже знаем, без которого не обойдёшься, – *быть человеком*. Чувство добра, справедливости, сострадания, о котором вы говорите (и ещё многое другое, что влёт не перечислишь), – всё это служит как бы подспорьем главному качеству. Именно при тяжёлом детстве (я сейчас не говорю, хорошо это или плохо) эти качества проходят суровую проверку и запоминаются на всю жизнь. Если вы в детстве не раз сами находились в беде, то вы глубже любого умника поймёте такого человека. И не надо думать, что раньше, скажем в пушкинские времена, мы, люди, были лучше. Допускаю, что негодяев было меньше – в пропорциональной зависимости к численности всего населения страны. Но то, что они были, не подлежит сомнению. Вспомните стихотворение Михаила Лермонтова «Нищий» о слепом бедняке: «И кто-то камень положил в его протянутую руку».

В писательстве, как и в жизни, какие-то качества потребуются меньше, какие-то больше, но чтобы **быть человеком** – без памяти не обойтись. Беспамятный человек не может ни сострадать, ни быть писателем.

7. – Интересно, кто привил вам любовь к литературному творчеству?

– Так и хочется сказать: нет-нет, ни за что, ни за какие коврижки не выдам этого человека. Уж очень претенциозно звучит в данном вопросе слово «любовь». Не сердитесь, но невольно вспомнился анекдот, который у нас на ВЛК, Высших литературных курсах, был очень популярен. «Один грузин спрашивает другого грузина: ты помидоры любишь? Другой грузин отвечает: нет, а так, кушать – люблю». В данном случае как-то ассоциативно связалась **любовь к творчеству** с любовью к помидорам.

Но если серьезно – никто никакой любви не прививал. Да и не было никакой любви сидеть за столом. Всегда отчётливо понимал: если засяду за повесть, то это очень и очень надолго. В большинстве писал короткие зарисовки. Так называемые стихи в прозе. Скажу откровенно, до сих пор не могу точно определить их жанр. Они писались за один присест, на одном выдохе. Если воображение подсказывало что-то большее, то я просто обдумывал, а писать не решался.

Достоевский говорил, что в писательском труде лучшей частью работы для него было не писание, а обдумывание романа. Не знаю, чем у него мотивировался приоритет обдумывания, а у меня – косноязычием. Это же мука – работать со словом, причём со словом косноязычным. Так что ни о какой любви не может быть и речи, а так, кушать – люблю.

С вашего позволения, Игорь Павлович, объединю вопросы, касающиеся моей публицистики, и начну отвечать с последнего, а потом уже закончу – каким видится будущее России? За этот вопрос особенно благодарен.

8. – В вашем писательском багаже – публицистика. Вы глубоко анализируете прошлое и настоящее, а каким вам видится будущее России?

9. – В книге «Заметки с затонувшей Атлантиды» вы размышляете о причинах краха СССР. А вам бы хотелось вернуться в прошлое?

10. – В книге «Прогулка по парку постсоветского периода» у вас есть интересная мысль: может быть, кривые зеркала, пишете вы, в которых мы видим мифические образы, вовсе не кривые, а дело лишь в нас самих? Значит, причины всех бед надо искать в себе?

– Нет, я этого не утверждал. Я всего лишь ставлю вопрос о причинах наших бед. Впрочем, по прочтении очерка должно быть ясно (никогда, кстати, не скрывал своей позиции), что во многих нестроениях мы сами виноваты.

Что касается вашего вопроса – хотел бы я вернуться в прошлое? Очень общий вопрос, неконкретный. И прежде всего потому, что мы прекрасно знаем, что это невозможно. Как говорил Гераклит, нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

А теперь вообразите – мы стоим у шахты лифта с двумя дверями. Одна – в прошлое (год приземления вы сами набираете, как число кода в сейфе). Другая дверь – обычный лифт. Представляю, как ослабли бы ноги в коленях от сонма чувств, комкающих наше мозговое вещество. Тем и велик астроном Николай Александрович Козырев, что такую возможность он уже подарил нам с помощью своих спиралевидных алюминиевых зеркал. Именно с их помощью удалось подключиться к информационному полю Земли и получить дополнительные электронные сканы глиняных дощечек (табличек) с клинописью некогда процветавшей цивилизации Шумеров.

Как это всё происходит, учёные объяснить не могут. Но и отмахнуться от опытов, выполненных когда-то Николаем Александровичем, нельзя. Их можно повторить. И в новосибирском Академгородке их повторили.

А вот совсем недавно американские учёные заявили, что БАК, Большой адронный коллайдер, может стать первой машиной времени. Человека, конечно, с помощью коллайдера не пошлешь в прошлое или будущее, а электронное сообщение – вполне возможно. Математики в этом не сомневаются. Только как это сделать? Увы, пока молчит наука, думает.

И всё же, представляете, в некоем Бирюлькине во второй раз выбрали в мэры мошенника. Выбрали незаконно, с использованием фальшивых бюллетеней. А настоящие бюллетени, в которых этот так называемый мэр был вымаран, местный избирком (из экономии – в составе одного человека) ещё не успел уничтожить и впопыхах засунул в грязные резиновые сапоги мэра-мошенника. Путаница вышла, чересчур грязные сапоги власти сбили избирком с толку. Подлинные ведомости предполагалось засунуть в сапоги скотника, которые (по уговору) он должен был похоронить в скотомогильнике вместе с ведомостями.

В Бирюлькине из-за разбитых дорог и сплошных ям, заполненных маслянистой жижей, на избирательный участок пускали голосовать только в белых тряпичных тапочках, пошитых по спецзаказу власти из вышедших из употребления простыней. Тапочки, как перчатки, приносили на участок в карманах, а тех, кто приходил без тапочек, – на участок не пускали. Имелся специальный человек от мэра (в обиходе – смотрящий), который сугубо из уважения к старикам и старушкам, не решавшимся надевать белые тапочки из суеверия (внезапной смерти), тут же самолично голосовал за всех неявившихся, так сказать, оптом.

Словом, только что спрятали настоящие бюллетени в сапогах мэра, а тут электронное сообщение сверху, из нашего будущего, причём прямоком судебным приставам: «Настоящие бюллетени бирюлькинцев спрятаны в сапогах мэра. Хватайте мошенника с поличным».

Скандал, конечно, но справедливость бы восторжествовала.

Впрочем, если серьёзно, предупреждающие телеграммы из будущего – реальность, которая уже не за горами. Сегодня, если что-то и достойно пристального наблюдения – так это Время. Оно стремится к истинности. Правдивости своего состояния как в соотношении с одушевлённым миром, так и с неодушевлённым. Потому что (по Козыреву) оно не просто четвёртое измерение, дополняющее трёхмерное пространство, оно обладает активными физическими свойствами.

Мы все являемся носителями своего времени не только в духовном, но и в прямом физическом смысле. Когда накапливается избыток ложности, в нас или в окружающем нас неодушевлённом мире, тогда-то и возникают революции, войны или техногенные катастрофы. Все наши духовные и физические болезни – суть несоответствия правде Времени. Мы и окружающая нас природа должны находиться в равновесии, в приемлемой для обеих сторон степени истинности. Иначе вмешается Время, его законы, которые нельзя обмануть. И это надо учитывать, иначе Время отомстит, как уже отмечал выше, своими как бы внезапными революциями, войнами и техногенными катастрофами.

Вспомните декабрь 2004 года и другие землетрясения, когда волны цунами на какую-то десятую долю секунды ускоряли вращение Земли и тем самым изменяли бег нашего планетарного времени.

Время обладает фантастической энергией и, слава богу, заявляя о себе планетарным ускорением вращения в долю секунды, заставляет нас по-новому взглянуть и на самих себя, и на окружающий мир. Сегодня человек и планета стали намного ближе друг другу. Однако они ещё не единое целое, хотя в идеале, по моим представлениям, должны быть единым целым. А потому, обустривая свою страну, нельзя не думать об устройстве жизни на всей планете Земля.

Мне представляется, что в ближайшее время та страна будет развиваться наиболее динамично, которая сумеет предложить миру новые идеи. Идеи, которые будут интересны как Европе и Азии, так и Америке и Африке. Именно эта страна станет привлекательной для самых смелых и ёмких инвестиций. Глубоко убеждён, что понимание Времени непременно вызовет к жизни новые идеи.

Один из героев романа «Звёздный Спас», молодой человек *индиго* Иннокентий Инютин, говоря о новом обустройстве жизни на Земле, приводит в пример девиз, по которому следует жить человечеству, – *один за всех, и все за одного*. Кажется, что же здесь нового? Этот девиз мушкетёров Александра Дюма-отца известен всем нам с детства. Впрочем, суть не в самом девизе, а в его интерпретации в соответствии с пониманием нашего времени, времени XXI века.

В романе «Звёздный Спас» на фоне надвигающегося глобального краха старого мира Иннокентий и его возлюбленная Фива, обладающие сверхспособностями, понимая, что они не такие, как все, ищут своё место в нашем меняющемся мире. То есть так же, как и многие из нас сегодня, хотят понять смысл жизни и своё назначение в ней. В качестве иллюстрации приведу полторы страницы их разговора, разговора Иннокентия и Фивы:

«– Информационное поле Земли с лёгкостью реагирует на наше, *людей индиго*, волевое усилие потому, что оно идентично информационному полю Земли. Мы с ним состоим из одной и той же вездесущей материи. И, подобно Земле, в каждой точке, или, скажем так, корпускуле, содержим полный объём информации и о своём теле (субстанции *Я*), и о теле Земли. Мы – как бы калька, компьютерная копия с *текста Земли* и, естественно, *своего Я*.

Кеша вдруг задумался, захваченный новой внезапной мыслью.

– И дело тут не в том, что информационное поле состоит из вездесущей материи, словно невидимая плащаница Бога. Тут дело в нас. Мы, *люди индиго*, стали духовной частью Земли, её интеллектом. Мы чувствуем свою *особую миссию*, как, очевидно, её чувствовал Ной. И должны заниматься не бесплодными фантазиями, а жить и строить спасительный корабль. Корабль для всех живых существ, способных воспринять и *новое небо*, и *новую землю*.

– Но мы не знаем, что такое *Ноев ковчег* сегодня. Может быть, это звездолёт, а может быть, это что-то другое?! – сказала Фива.

– Именно другое, – обрадовался Кеша. – *Один за всех, и все за одного* — вот что такое сегодняшний *Ноев ковчег*.

Видя разочарование, с которым Фива восприняла его слова, Кеша разгорячился. Стал объяснять, что благодаря Иисусу Христу человечество преуспело в понимании сути *один – за всех*. Пусть с трудом, но сдало экзамен на зрелость. Масса примеров и во время войны, и сейчас, когда ценою жизни лётчики уводили пылающие самолёты от жителей мирных городов, сёл и деревень. Масса примеров героизма людей, происходящих ежедневно повсюду, он не будет их перечислять.

Но есть в девизе и другая стадия духовного развития – *все за одного*, – которая воспринимается как злая насмешка. Ведь – *семеро одного не ждут*. За ради одного живота класть на жертвенный алтарь жизни всех людей, всего человечества представляется если не безумием, то высшей несправедливостью.

Но это только в том случае, если класть жизни насильно, обманом. Но если насильно, если обманом, то постулат *все за одного* предстанет как *все из-за одного*. Подменяется суть. Именно *из-за одного* застит людям глаза.

Но если все люди, всё человечество встанет за одного человека добровольно, по велению сердца, то на поверку перед нами – совершенно иные люди. Стоит только на миг представить, как за одного человека ходатайствует всё человечество, чтобы понять, насколько

велика и необходима среди таких людей мера ответственности каждого человека перед каждым человеком.

Конечно, Фива могла сказать, что потребуется уйма времени, чтобы возникли и утвердились на Земле подобные идеальные люди. А между тем Фантом (астероид. – **Прим. авт.**) уже летит, и до встречи с ним осталось менее трёх лет. Но почему-то сказала:

– Вот, Кешенька, ты и ответил на вопрос – для чего мы здесь, для чего одарены сверхспособностями? А олигарх и жена олигарха – это не про нас».

Думаю, многие из нас не только подумают, как Фива, но и скептически скажут вслух, что потребуется уйма времени, чтобы возникли и утвердились на Земле подобные идеальные люди. Но Время, о котором говорил, уже постучало в дверь человечества. Оно постучало, и весьма властно, в августе 1945-го, когда были сброшены американские атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки.

В самом деле, до этого времени можно было в мировых войнах доказывать свою правоту. Мир, так сказать, был генетически устойчив. Сегодня мы приходим в мир, утративший былую устойчивость, и не замечать этого просто не имеем права.

Завкафедрой юрфака МГУ профессор Михаил Константинович Треушников, прочитав роман, высказал свои суждения в письме. Отвечая на них (и письмо доктора юридических наук, и ответ выложены на моём сайте в «Книге гостей»), я предложил ему задать студентам задачу: какие правовые законы понадобятся государству, в котором главным законом Конституции будет принцип – *один за всех, и все за одного*. Всё это случилось в декабре прошлого года.

В самом деле, сегодня мы говорим о строительстве научного центра в подмосковном Сколково, в котором по желанию смогли бы трудиться молодые учёные со всего мира, но, чтобы трудиться в соответствии с запросами нового времени, надо и жить по соответствующим устоям. *Один за всех, и все за одного* должно стать путеводной звездой всех технических открытий. В этом смысл жизни, в этом смысл прорыва. И не только Сколково, здесь бы и Селигерское движение молодёжи, скажем так, нашло бы себя не только в увлекательных акциях, но и в обустройстве с этих позиций своей повседневной жизни.

Сегодня, повторюсь, та страна будет развиваться наиболее динамично, которая сумеет предложить миру новые идеи. Идеи, которые будут интересны как Европе и Азии, так и Америке и Африке. Очень надеюсь благодаря интервью привлечь внимание к известному нам с детства девизу – *один за всех, и все за одного* – в толковании или интерпретации Иннокентия Инютина. Более того, свой голос избирателя отдам непременно за ту партию и того президента, которые в своей предвыборной программе будут ориентироваться на понимание глобальных запросов времени и шаг за шагом встраивать наше государство в общее дело всех людей. Именно в этом вижу будущее России.

11. – Что вы думаете о литературных премиях – насколько объективно они отражают особенности литературного процесса, достоинства художественных произведений или это обычный междусобойчик: ты – мне, я – тебе?

– Прежде всего, стараюсь об этом не думать. В 1982 году довелось работать собкором газеты «Молодёжь Алтая» и от Союза алтайских писателей представлять «Писательский Пост» на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Алтайского Коксохима. Это сейчас там город Заринск, а тогда, в 1976-м, – станция Заринская. Все эти оси ЕЖ, ЕД и т. д. ныне – улицы. А тогда названиям этих улиц помогали проклёвываться журналисты. Во время своих репортажей как-то не с руки было писать, что Первого мая жители будущего города Заринска стройной украшенной колонной прошли по оси ЕЖ. Вот и рождалось – прошли по проспекту Строителей, которого, так сказать, и в помине не было.

Помню, на тему жизни на Коксохиме приходилось не только писать, но и выступать по телевидению и радио. Коксохимовцам нравилось, что мы, журналисты, говорили о недостатках на стройке, болели за неё, а вот прокуратуре это почему-то не нравилось. Словом, когда дали мне премию в 150 рублей за лучшие материалы по Коксохиму (премия была согласована с парткомами стройки и писательской организации), мне сейчас же был предъявлен иск со стороны Алтайской прокуратуры о возмещении ущерба в размере 150 рублей. И всё же именно этот прокурорский иск более всего убеждал тогда, да и сейчас, что повесть «Преодоление» о комсомольской стройке задела читателя за живое.

С тех пор ко всем премиям отношусь с опасением, хотя понимаю и принимаю их целесообразность. Премии даются не за красивые глаза. Они даются прежде всего за мастерство, за осмысление жизни в твоих произведениях. Премия – это дополнительная мотивация в стремлении к добросовестному талантливому творческому труду. И тут, конечно, важна честность суждений высокого жюри.

В 1996-м мне довелось побывать на одном из собраний Московской писательской организации. Вёл собрание её руководитель Владимир Гусев, первым вопросом обсуждалось поведение весьма уважаемого мною писателя (фамилию не называю из этических соображений), который, являясь председателем жюри Пушкинской премии, воспользовался своим статусом председателя и присудил себе эту премию. Звучит дико, но разве не дико, когда всем известный талантливый писатель, являясь членом и даже председателем жюри той или иной престижной премии, сам не имеет никаких премий? Кстати, на этот парадокс, имея в виду себя, указывал ещё Василий Аксёнов. И тут нет никакого криминала – кому-то по душе Есенин, а кому-то Маяковский, и с этим ничего не поделаешь. Оценка творчества всегда субъективна, она немыслима без субъективизма. Но это-то и хорошо. Сегодня в фаворе поэзия одного толка, а завтра – другого, а послезавтра – третьего, и так во всех сферах творческой деятельности. Именно это и является движущей силой развития. Иначе закиснем, покроемся замшелой болотной ряской.

Конечно, человек не вечен, и иногда так случается, как случилось, например, со Стендалем. Только спустя десять лет после смерти было издано его собрание сочинений, которое послужило толчком к его национальному и мировому признанию. Он стал классиком. Впрочем, а разве не то же самое произошло с романом «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, который был издан спустя двадцать лет после смерти автора и вошёл в сокровищницу национальной и мировой литературы?!

Главное в присуждении литературных и других премий – честность. Премии помогают в мотивации, в стремлении к совершенствованию своего мастерства, но они отнюдь не являются окончательной оценкой творчества того или иного литератора. Окончательную оценку выносит время, а у времени своё жюри, неподвластное междусобойчикам: ты – мне, я – тебе.

12. – Ваши книги написаны хорошим, правильным русским языком, в отличие от птичьего постмодернистского языка, который зачастую непонятен даже самим его приверженцам. Вы подолгу работаете над своими текстами? Какой этап работы самый трудный?

– Я уже говорил выше – преодоление косноязычия. Но самый-самый трудный, как вы говорите, этап работы – это всё-таки когда *идёшь* по этапу (сюда я включаю подписку о невыезде, перехват писем, телефонных разговоров и так далее). Дело в том, что с автора никто и никогда не снимал ответственности за опубликованное произведение – ни в демократическом обществе, ни в тоталитарном.

Я стал писать и публиковаться сравнительно рано. И в свои четырнадцать лет считал признаком самой высокой одарённости – угождать требованию газеты. Так сказать, эй, вы

там, газетчики, чего изволите, сообщите, и не успеете глазом моргнуть, как сработаю и всё, что надо вам, выдам на-гора в лучшем виде.

В школе, в районной газете знатоки поэзии разводили руками и в изумлении покачивали головами: ну уникальный случай – талант с тремя восклицательными знаками. А я бы сегодня сказал: с шестью, с шестью восклицательными знаками! В самом деле, что может быть унижительней творческого угодничества. Но, как говорится, жажда быть признанным талантом застила глаза, и я до того поднаторел в делании стихов, что мне писали из многотиражки совхоза «Путь к социализму» прямым текстом: а теперь, дорогой юный талант, напрягитесь, ждём ваше стихотворение к празднику Октября.

Словом, с юности доподлинно знал: какое произведение напечатают, а за какое могут и пожурить. А на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Алтайского коксохимического завода за повесть «Преодоление» (была напечатана по недосмотру властей в альманахе «Алтай») по полной программе довелось узнать и осознать ещё и «уголовную ответственность» за своё сочинение. Впоследствии об этом написал и издал повесть «Огонь молчания», а сейчас лишь скажу, что любой опыт в писательском деле полезен. Во всяком случае, когда говорят о необходимости цензуры – знаю точно, что писателю, осознающему ответственность перед словом, она не нужна. Но обретение ответственности перед словом – это процесс трудно регулируемый, у каждого это происходит по-своему. У меня преследование Алтайской прокуратурой длилось около двух лет. И если бы не вмешательство Михаила Сергеевича Горбачёва, Георгия Мокеевича Маркова, Сергея Владимировича Михалкова, Сергея Венедиктовича Сартакова, достойное человеческое поведение проректора ВЛК Валентина Васильевича Сорокина, то сейчас, наверное, уже бы и косточки сгнили.

Ну да ладно, самый трудный этап работы над произведением – когда оно написано, опубликовано и вызвало неудовольствие у власть имущих. Именно благодаря твоему произведению начинается, так сказать, этап работы над тобой как автором. Вот когда нужны силы выстоять, не сломаться и в любой ситуации оставаться писателем, то есть быть человеком.

13. – В ваших романах «Зинзивер» и «Звёздный Спас» фантастика и реальность существуют рядом. А в вашей реальной жизни были фантастические события?

– Да, были. Возбуждение уголовного дела после публикации документальной повести «Преодоление». В этой повести сохранены все реальные фамилии. Так получилось, что полгода, всю осень и зиму, довелось работать на Коксохиме плотником-бетонщиком. Мы выставляли металлическую опалубку – фундаменты (своеобразные стаканы) для установки колонн деревообрабатывающего завода. Мы хотели этот ДФЗ строить подрядным способом по методу Злобина, то есть строить весь завод с нуля и под ключ. Но возникали всякие искусственные препоны, и я написал повесть, в которой говорилось о приписках, об очковтиральстве, о показухе и так далее.

В общем, написал повесть, а писал её весело, с интересом, и вдруг почувствовал, что её нигде не опубликуют. И действительно, издательство «Молодая гвардия» отказало, причём упрекали меня в основном за малахаи вместо шапок, скафандрового типа робы-брезентухи и граненые носы, мол, нет таких. Положил повесть в стол, так сказать, до лучших времён – в наш альманах «Алтай» поначалу даже не пытался отдавать.

И вдруг первое чудо. В отдел пропаганды Алтайского крайкома КПСС пришёл новый инструктор, курирующий альманах. Инструктор по тем временам сравнительно молодой и к тому же пишущий прозу на исторические темы. Попытка не пытка. Отнёс повесть в журнал. На другой день телефонный звонок от инструктора – повесть понравилась, но он бы не советовал её публиковать. На Коксохиме её не поймут, и у автора вполне могут начаться нешуточные проблемы. Как в воду глядел. КраЗ дважды едва не наехал на меня – спасался в ледяной воде котлована.

Словом, инструктору как прозаику не хотелось начинать с запрета, и он предоставил мне самому решить: печатать её или не печатать? Естественно, я решил – печатать.

В то время я уже работал собкором газеты «Молодёжь Алтая», а зарплату по просьбе отдела строительства крайкома КПСС и крайкома ВЛКСМ (они меня выдернули из котлована) получал в очередном СУ, строительном управлении. Меня перебрасывали из управления в управление, чтобы не накладно было мне зарплату платить, но зарплата была рядовая. Плотником-бетонщиком в котловане я получал больше.

И что удивительно, когда крайком ВЛКСМ предложил таким способом получать зарплату, у меня никакой искры не проскочило, потому что такой способ оплаты труда по тем временам встречался довольно часто. Хоккеисты были проведены токарями и слесарями. Машинистка в крайкоме КПСС, а зарплата – лаборантки в институте, и так далее. Все эти футболисты, хоккеисты, машинистки, а в данном случае и я, – назывались «подснежниками». Было такое пленительно-наивное название всем этим преступникам. Откуда-то появляются и исчезают. Никто с ними не вёл никакой борьбы – порождение системы.

И вдруг второе чудо. Я уже учусь в Москве на ВЛК, Высших литературных курсах. Внезапно в двенадцатом часу ночи ко мне в общежитие заявляется следователь по особо важным делам, и колесо «правосудия» начинает затягивать меня. Свидетель. Преступник. А когда сложили мою зарплату за пять лет, присовокупив к ней всё, что только можно было присовокупить, вплоть до премии за лучшую публицистику, и таким образом набрав 10 500 рублей, я уже стал не просто преступником, а преступником особо опасным. Основной козырь прокуратуры – многозначительное заявление: вы всего не знаете!

Опись квартиры, имущества, унижения, трусость собратьев по перу – вместо помощи угроза изгнать из Союза писателей. Всё пришлось пережить. А как измывались над детьми! Дочь – ученица пятого класса, круглая отличница, и вдруг сообщает мне, что ей нужны документы для перевода в другую школу.

Мы с женой поехали к классной руководительнице – она в слёзы: завуч школы приказала оформить вашу дочь в «дебильную» школу. Вчера она была отличницей, а сегодня они решили её оформить, причём тайком, в «дебильную» школу. Уверен, что всё это вам, как и мне до сих пор, кажется какой-то нереальной фантастикой. А между тем всё это имело место быть в реальной жизни.

14. – Ваши тексты обладают многоплановостью, художественной энергетической сложностью, к ним хочется обращаться вновь и вновь. В чём секрет их долголетия?

– У меня нет оснований, Игорь Павлович, вам не верить, и всё же, если это так, то поделюсь в некотором роде размышлениями на этот счёт. Размышлениями, касающимися всех писателей. Возьмём для примера всем известный отзыв Гоголя об Александре Сергеевиче Пушкине. И отзыв Льва Николаевича Толстого о Николае Васильевиче Гоголе.

«Пушкин есть явление чрезвычайное, – пишет Гоголь в 1832 году, – и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в той же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». В другом месте Гоголь замечает: «В последнее время набрался он много русской жизни и говорил обо всём так метко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучших стихов, но ещё замечательнее было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним ещё больше жизнь».

Всякий раз, через какое-то время перечитывая это суждение Гоголя об Александре Сергеевиче Пушкине, я нахожу в нём новые штрихи, новые подсказки для себя. Вот и в данную минуту, обратившись к ним, чтобы ответить на ваш вопрос, вдруг ощутил трепет, исходя-

щий от его слов: «...но ещё замечательнее было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним ещё больше жизнь».

Чем объяснить столь могучую, проникающую сквозь время проницательность Гоголя? И надо ли объяснять?

А вот что Лев Николаевич Толстой говорит о Николае Васильевиче Гоголе: «Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и небольшой, несмелый, робкий ум.

Отдаётся он своему таланту – и выходят прекрасные литературные произведения, как “Старосветские помещики”, первая часть “Мёртвых душ”, “Ревизор” и в особенности – верш совершенства в своём роде – “Коляска”. Отдаётся своему сердцу и религиозному чувству – выходят в его письмах, как в письме “О значении болезней”, “О том, что такое слово” и во многих и многих других, трогательные, часто глубокие и поучительные мысли. Но как только хочет он писать художественные произведения на нравственно-религиозные темы или придать уже написанным произведениям несвойственный им нравственно-религиозный поучительный смысл, выходит ужасная, отвратительная чепуха, как это проявляется во второй части “Мёртвых душ”, в заключительной сцене к “Ревизору” и во многих письмах».

Вроде бы всё правильно говорил Лев Николаевич, а первое, что бросается в глаза, – как он говорил. Его, Льва Николаевича, философские произведения на нравственно-религиозные темы, надо полагать, лишены ужасной чепухи и обладают поучительным смыслом. Во всяком случае, когда я был рыбаком океанического лова (советские времена), мы, скрываясь от шторма, зашли в бухту Тассу-Саунд (острова Королевы Шарлотты – Канада), и к нам на ботах подходили канадцы, по происхождению русские. Их родители-духоборы (то есть последователи философского учения Льва Николаевича), избегая притеснений, эмигрировали в Канаду в 1906 году.

Последователи – разумеется, это не шутка. И всё же в оценках Льва Николаевича о Гоголе, о несостоятельности Шекспира и других преобладает гордыня богоборчества, которой была дана оценка нашей Православной церковью и которой в пропагандистских целях весьма умело воспользовалась безбожная советская власть. Нет нужды говорить здесь о гениальности Николая Гоголя и Льва Толстого. Но если вы присмотритесь к их произведениям, то ясно увидите – отношение к ним во времени меняется. И я нисколько не удивлюсь, если отношение ко второй части «Мёртвых душ», о которой так нелестно отозвался Толстой, изменится и люди будут находить в ней в полной мере нравственно-религиозный поучительный смысл, а философские искания Льва Николаевича станут не более чем страницами прекрасной истории русской литературы.

То есть, отвечая на ваш вопрос, скажу так: возможности писателя, любого, весьма ограничены. Мало написать честно, мало написать произведение талантливо, надо – чтобы Время или Господь Бог (в данном случае не вижу различий) дунул в сторону твоего произведения. Скажем так, осенил его своим дыханием. Когда, как, почему это происходит? Думаю, сие известно только Всевышнему, то есть тому, кто обладает таким всепроникающим дыханием. А нам остаётся только честно писать в меру своего таланта.

15. – В разные времена литература выполняла разные функции. Каковы цели и задачи писателя сегодня?

– Если брать художественную литературу, её мировые образцы с эпохи Возрождения и до наших дней, то мы увидим, что в основе любого из взятых произведений был, есть и, очевидно, останется человек. Его характер, причём в жизненной ситуации, свойственной эпохе. И тут выясняется, что эпоха – это всего лишь декорация, а человек практически не меняется, потому что в основе его поступков – хорошо нам известные мотивы. Ненависть, алчность, любовь, справедливость и так далее – всё это, как и прежде, движет нашими поступками. Поэтому «Гамлет» и «Ромео и Джульетта» до слёз понятны нам, жителям XXI века. Харак-

тер – вот что главенствует в художественной литературе. Эпоха только выпячивает те или иные черты характера. Запечатлеть характер в новом, ранее не встречавшемся сочетании качеств – это, так сказать, мечта поэта или, как сейчас любят говорить, сверхзадача любого литератора.

В скульптуре тоже запечатлевается характер, но в камне он запечатлевается в застывшей форме. «Из камня, выбрав лишнее, царицу оживил». Слово – это живая вода, оно уступает кинематографическому изображению в широте поверхностного захвата чувств, но оно проникает глубже, потому что своей сутью проникновения подключает к работе восприятия не только сознание и разум, но и что-то такое, что находится вне нас. Во всяком случае, умо-зрительно к этому всё больше и больше приходят учёные-физиологи.

Что касается целей и задач, стоящих перед писателем сегодня, то мне думается, что его цели и задачи ничем не отличаются от целей и задач любого гражданина нашей страны. Писатель и все хотят жить в процветающей стране. И естественно, что главной, первостепенной задачей для каждого из нас должно быть обустройство нашей жизни так, чтобы сама жизнь человека способствовала его процветанию. А это в итоге невозможно без честных демократических выборов. Нельзя к добру гнать палкой. Так что на выборы пойду и голосовать буду за фундаментальные программы по преодолению бедности. Фундаментальные программы всей своей сутью требуют фундаментальную фигуру в структуре власти. Такой фигурой мог бы быть монарх, а сутью властных структур – Народная монархия.

16. – В вашей жизни было много знаменательных встреч и знакомств. Я с интересом узнал, что рекомендацию в члены СП СССР вы получили от писателя Василя Быкова, а Ярослав Смеляков написал вступление к вашей публикации. Кто ещё оказал на вас влияние?

– Вот буквально вчера я открыл Толковый словарь Владимира Ивановича Даля, изданный ещё в начале прошлого века. Четыре огромных, увесистых тома. В это издание я давно не заглядывал. Ныне Даль издан в более удобном формате. Но вот, перебирая словари, заглянул, и между страниц нашлось письмо Василя Владимировича Быкова, которое он написал мне, давая рекомендацию в СП СССР. Письмо на пожелтевшей бумаге датировано 01.11.77 г. Я считал его утерянным, и вдруг такая радость, словно вот только что его получил.

Василий Владимирович дал мне рекомендацию по моим первым двум книжкам. Я с ним разговаривал по телефону из Новгорода уже после Высших литературных курсов. А впервые встретились в 2001 году в Германии во Франкфурте-на-Майне. Все его военные повести входили в меня как часть его души, которая в любой, самой безвыходной ситуации находила возможность не сдаваться – оставаться человеком. Его повести «Дожить до рассвета», «Сотников», «Его батальон» – это гимны человеку в его стремлении быть человеком. Он сам был таким.

В то же время, что и к Василию Владимировичу Быкову, обратился с просьбой о рекомендации в СП СССР к Виктору Викторовичу Конецкому. Сегодня его больше знают как автора сценария кинофильма «Полосатый рейс». Замечательный писатель, моряк. Он по прочтении книг тоже сразу ответил, сказал, что мои книги отдал полякам на момент перевода, но рекомендации не прислал. Мотивировал это тем, что никому не даёт рекомендаций, не встретившись и не побеседовав с рекомендуемым. Он был действующим капитаном, ходил по морям – порт приписки то ли Ленинград, то ли Мурманск, а я тогда уже завязал с морями, жил в Барнауле. В общем, нам встретиться было довольно-таки проблематично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 65,00р. (на 31.03.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.